Переполненность

◇

Московские впечатления киевлянина

◇

ИДУ по Москве в семилетке. И особое, миллионовольтное напряжение жизни столицы, кажется, больше обычного будоражит душу. Удивительная точка на земле, откуда — все ближе! И до прошлого, и до будущего, и до Америки, и до Китая, и до самого великого, и до самого обыденного, и до подземного труда горняка, и до того, еще неведомого сердца, которое вот-вот «прикуплюнет» в космосе — все равно, в Москве тебе кажется, что до всего этого — один шаг, а если и больше, то чуть-чуть...

Кто-то, приехав сегодня в Москву, спешит на съезд—может быть, это великое собрание химиков — именинников семилетки — Менделеевский съезд, а может быть, более скромный, но тоже, вполне знающий себе цену пленум сельских кооператоров, или композиторов, или спортсменов, или терапевтов. Другой решительно направляет свои стопы в Госплан, только в Госплан, там, где выплавляются центропробки и вершатся отважные думы с оживающими порой тенями удельных князьков... Третий рассеянно выстраивает дорогу в «Детский мир»... Четвертому, ой как тесны перекрестки, и много их ему надо миновать за день, чтобы побывать на всех включенных в жесточайший план для выставках — от выставки искусства двенадцати стран в бывшем Манеже до выставки мебели в Новых Черемушках.

Но какое бы дело ни привело нас в столицу, погрузившись в ее поток, выбрав часок, чтобы пометать на ее Ленинских горах, вдоволь надышавшись всегда смелым и чистым воздухом по-прежнему строго нарядного, прекрасного своей демонстративной мощью, успев просеять рассеянным, торопливым людям их невежливость и оценить приверженность к книге читающих всюду — в метро, у киосков, в трамваях, в столовых — москвичей; вспомнив и навесив все, куда вас звали в дни вашего пребывания в столице, — звали газетными извещениями, рецензиями, объявлениями, программами декад, радиоприглашениями — московские всех видов и профилей выставки, музеи, диспуты, концерты, лекции, встречи, театры, публичные обсуждения — и даже не так уж много глотнув всего этого, кто из нас, гостей Москвы, не скажет, порадовавшись и разобравшись в своих чувствах: может быть, больше всего Москва прекрасна, дорога, сильна тем, что отвечает нашему особому советскому чувству, чувству **переполненности жизнью**!

Глубоко воспринявшие семидетку, вы еще более полюбите Москву, поверите в нее, потянетесь к ней—великому городу, могучему собирателю народной мысли, возбудителю неслыханного народного соревнования, все более чуткому и любому огоньку творчества, даже если он разгорается за тысячи километров от Кремля.

Это чудесное право — любить Москву, любить такой действенной любовью, чтобы и «судить» ее, говорить ей правду о новых запросах, желаниях, вкусах, о новой жажде разумного, справедливого, прекрасного, о новом нетерпении, созревающем везде, где народ усложняет свое движение к коммунизму.

И КАК же надо быть благодарным Московскому Художественному театру, что, «шагая по Москве в семилетке», ты можешь сегодня с помощью чудесной силы искусства увидеть себя, свое душевное состояние, свой новый порыв и новую решимость, собранные и отраженные в таком гигантском и таком банном, родном образе — Ленина...

О «Третьей патетической» — спектакле по пьесе Погодина во МХАТ, завершившем трилогию о войне революции, уже не раз писали. Но и добрым словам об этом спектакле хочется добавить именно то ощущение, которое так органически слилось в тебе со всем восприятием сегодняшней Москвы, семилетки...

Не просто «свет ленинской мысли», возникающей молниеносно, чтобы сразу проникнуть в самую суть вещей, не только непреклонность вождя в борьбе, величие как стратега партии на труднейшем этапе революции — но человеческую переполненность именно — величайшее коммунистическое качество — доносит, этот мхатовский спектакль.

А ведь в пьесе показаны годы, когда вот-вот может оборваться эта жизнь, когда Ильич не мог не догадываться, не сознавать, что он тяжело болен, что его силы на пределе.

И приближение этой неотвратимой черты, уже нависшей предел, еще больше усиливает ощущение жизни в Ленине, его вечно бурлящие силы, все щедрое богатство его чувств, обращенных к людям, к будущему. Но это наполняет нас не только сердечной тревогой за Ильича, тоскливой тяжестью от сознания неизбежной страшной потери, но и убежденностью в том, что жизнь будет торжествовать, что она впитает в себя ленинскую правду и вечно будет ее в себе нести...

Спасибо Погодину за его неотступную, смелую, все воспламеняющую думу о Ленине, за то, что, рисуя простого Ильича, он ни в чем не упрощает этого необъятного человека; признательность Кедрову за серьезную, проникновенную всамделишность всего, что мы видим на сцене, — мы верим, все: и в этот завод, где Ленин беседует с Проншой, который не жалеет